

ГЕРМАН АРУТЮНОВ

ТАЙНА СУХАРЕВОЙ БАШНИ

**Драматическая притча в двух действиях
(Полная сценическая версия с дополнениями)**

Контакты автора:

Телефон: +7 (909) 934-17-08

E-mail: german155@mail.ru

Город проживания: Москва

© Герман Арутюнов, 2026. Все права защищены.

Пьеса является оригинальным авторским текстом и ранее не ставилась.

Москва, 2026

СИНОПСИС ПЬЕСЫ «ТАЙНА СУХАРЕВОЙ БАШНИ»

Экспозиция и завязка: Спектакль открывается монологом московского купца XVII века Конрада Нордермана на обломках разрушаемой в 1934 году Сухаревой башни. Держа в руках петровский кирпич, он объявляет, что башня стояла на пепле великой и трагической идеи. Действие переносится в юность силезского поэта Квирина Кульмана, в которого бьет первая испепеляющая «молния» пассионарности, исцеляя его от немоты и превращая в пророка.

Развитие действия: Кульман, нареченный «Силезским Христосом», путешествует по Европе. Его пламенные речи смущают умы, а пугающе точные астрологические расчеты заставляют королей и кардиналов покупать «страховку у вечности». За ним, сгорая как пепел, добровольно идут женщины. В это же время в Москве 17-летний царь Петр открывает для себя «обитаемую геометрию» Немецкой слободы и клянется силой выскрести из России вековую грязь и лень.

Кульминация: В 1689 году Кульман прибывает в Москву с воззванием о мире без рабов и господ. По доносу пастора его с Нордерманом бросают в подвалы Преображенского приказа. В подвале разворачивается ключевой философский спор трех сил. Монументальный Патриарх Иоаким (бывший офицер Иван Савелов, чью семью выжгла чума 1655 года) заявляет, что Русь — это заповедный ковчег чистой веры, а эликсир познания Кульмана — смертоносный вирус. Петр, напуганный призраками стрелецких бунтов, соглашается: держава строится на страхе, а не на стихах. Кульмана сжигают в срубе.

Развязка и финал: Петр возвращается из Европы и «застраивает свой страх». Вместе с Брюсом и Нартовым он возводит Сухареву башню — каменный ковчег наук и ремесел, Университет труда. Действие прорывается сквозь время в XVIII век, к масонам Ивана Лопухина на «Острове праведников». Нордерман связывает петровский кирпич башни с масонским символом «дикого булыжника», который каждый человек обязан обтесать силой воли, и бросает финальный вызов зрительному залу.

ТАЙНА СУХАРЕВОЙ БАШНИ

Драматическая притча в одном действии (Полная сценическая версия с дополнениями)

Действующие лица:

- **КОНРАД НОРДЕРМАН** — зажиточный купец Немецкой слободы в Москве, ведущий и рассказчик. Одет в европейский костюм городского бюргера времен барокко: удлиненный камзол, длинный сюртук или кафтан, кружевное жабо или воротник, свободные штаны до колен, а также белая льняная сорочка, просторный плащ, чулки и туфли с пряжками.
- **КВИРИН КУЛЬМАН** — силезский поэт, мистик, «Голландский Христос».
- **МАТЬ КУЛЬМАНА (РОЗИНА)** — женщина в черном платке.
- **ПЕТР I** — 17-летний царь. Нервный, порывистый, угловатый.
- **ФРАНЦ ЛЕФОРТ** — адмирал, друг и наставник Петра.
- **ЯКОВ БРЮС** — ученый, инженер, потомок шотландских королей.
- **АНДРЕЙ НАРТОВ** — гениальный механик-самоучка, токарь Петра.
- **ФЕДОР ШАКЛОВИТЫЙ** — начальник Стрелецкого приказа.
- **ПАТРИАРХ ИОАКИМ** — старик, монументальный и непоколебимый.
- **АКТЕР-НАБЛЮДАТЕЛЬ** — (играет Ректора гимназии, Пастора Майнеке, Голландского мастера, Кардинала в Париже, Короля Якова II, Герцога Антона Ульриха и Голоса из толпы).

СЦЕНА 1. ПРОЛОГ РАССКАЗЧИКА: ИДЕЯ СТРАНЫ. СОБИРАТЕЛИ И НЕСТЯЖАТЕЛИ. МОЛНИЯ АПОЛЛОНА

(Полная темнота. Слышен тяжелый, утробный скрежет камня. Вспыхивает луч на авансцене. На краю сцены сидит Конрад Нордерман. В его руках тяжелый красный кирпич). Спектакль открывается сценой бурной жизни Москвы 1934 года. Сухарева башня в кольце строительных лесов, грохот

отбойных молотков, пыль, въедающаяся в легкие. Конрад Нордерман стоит среди этого хаоса, сжимая в руке красный петровский кирпич).

НОРДЕРМАН:

Посмотрите на этот кирпич. Это кусок Сухаревой башни. Ее снесут в Москве в 1934 году. Советские люди будут ломать эти стены, надеясь найти в подвалах золото или «Черную книгу» чернокнижника Брюса... Дилетанты. Главная тайна этой башни лежала не в ее стенах, а в ее истории. Она стояла как бы на моем пепле. И на пепле человека, которого звали Квирин Кульман.

(Встает, подходит к светящемуся контуру на полу).

НОРДЕРМАН:

Я — Конрад Нордерман, московский купец. Я жил в XVII веке. Умел считать копейки, торговал сукном. Я был нормальным, трезвым человеком! Понимаете? Я искал выгоды, как любой купец. Но выгода — мелкая вода. Настоящая глубина начинается там, где рождается Идея страны. Государство — оно ведь как корабль: без ветра большой мысли оно гниет в гавани. СССР потому и взлетел выше звезд, став величайшей империей, что провозгласил идею, от которой у мира дух захватило! Великая идея всегда тянет за собой государство на новую высоту.

Столетиями русская земля билась в тесных тисках между двумя путями. С одной стороны — преподобный Нил Сорский и его нестяжатели. Они кричали: «Очистите дух! Отдайте богатства, уйдите в скиты, ищите свет внутри себя! Богатство губит душу!». А с другой стороны — Иосиф Волоцкий, собиратель. Его правда была земной и железной: «Церковь и государство должны быть богатыми, сильными, владеть землями и имуществом, чтобы держать порядок, строить грады и крепить власть! Без страха, без материальной силы всё рухнет в хаос!».

Наивный поэт и философ немец Квирин Кульман в 1689 году привез в Москву огонь Нила Сорского, завернутый в европейские фолианты. А царь Петр... Петр стал величайшим государственным собирателем в истории. Он построил эту башню здесь, в Москве на пересечении улицы Сретенки со Сретенскими воротами Земляного города, вал которого позже стал Садовым кольцом, а также с 1-й Мещанской улицей (ныне проспект Мира), не ради навигации. Он построил

каменный сейф для своего страха. Он попытается замуровать в этих стенах свой кошмар. И в то же время башня излучает магический свет, который мы с Кульманом привезли в Москву.

Вы спросите: как рождается Идея в человеке? Как обыватель вдруг сходит с ума и становится Творцом?

Я долго думал об этом. Бьет ли молния Аполлона, бога творчества, покровителя искусств, в здорового, сильного, довольного собой человека? В того, у кого лавка полна товаров, дом — чаша, а впереди ясная, размеренная жизнь? Никогда! Каждому из нас Богом дана свобода воли. Какой здоровый, благополучный человек по своей воле захочет, чтобы в него ударила карающая, испепеляющая молния, которая разрушит его сытый покой?

Нет, Аполлон всегда выбирает больных. Ослабленных. Тех, кто внутренне или внешне уже надломлен, кто заперт в тупик, кто обречен на убогую, несамостоятельную, серую жизнь. Подобно тому, как через 300 лет американский фантаст Рэй Бредбери напишет рассказ «И грянул гром» об охотниках, путешествующих в прошлое: там гид строго-настрого разрешает стрелять только в тех диких зверей, которые всё равно обречены — которые через минуту сами утонут в болоте или сорвутся со скалы.

Так и высшая сила. Она наводит свой прицел только на тех, чей земной путь уже идет под подкос. Она бьет в этот надлом, выжигает старую немощную плоть и на ее месте зажигает яростный, пассионарный пожар. Она делает из калеки — Пророка, из запуганного ребенка — Великого Царя, из убитого горем солдата — Столпа Церкви.

В XVII веке три молнии Аполлона ударили в трех выбранных им людей в Германии и в России, и из этого страшного столкновения выросла империя. Посмотрите на первый удар. Силезия. Город Бреслау... Подвал. Посмотрите — вот так Квирин начинал свою жизнь. На самом дне человеческого бессилия.»

Это была первая энергия в фундаменте будущей Сухаревой башни, самый нижний ее ярус, подземелье.

(Гаснет верхний свет. Световой контур башни на полу сжимается до маленького багрового квадрата. Вспыхивает холодный луч в левой части

сцены. Юный Квирин сидит среди гигантских стопок книг. Он пытается читать вслух, но заикается, бьет себя рукой по колену, ломая слоги).

СЦЕНА 2. НИЖНИЙ ЯРУС: БЕССИЛИЕ СЛОВА И ТАЙНА БЁМЕ

КВИРИН: В-в... в-на... вначале... б-было... С-слово... И С-слово б-было... у Б-бога...

НОРДЕРМАН: *(подходит к Кульману, кладет кирпич рядом с ним)*
Сухарева башня в разрезе — это три яруса. И первый ярус — это подземелье. Нижние палаты. Вот и Квирин до 10 лет жил в темном мешке своего заикания. Немой, запертый в клетке собственного тела. Мальчишки за сценой швыряли в него гнилыми яблоками. Слышите этот хохот? *(За сценой слышны детские издевательские голоса).*

НОРДЕРМАН:

Но Бог имел свой план. Квирин слег с жестокой лихорадкой. Мозг его горел так, словно в него попала молния. На сцене его разума танцевали тени — ангелы, которых видел только он один. А когда болезнь отступила... произошло чудо. Хрупкий заика умер. Родился оратор. Пассионарий, призванный поворачивать колеса истории! Его вел этот внутренний огонь.

СЦЕНА 3. ГИМНАЗИЯ В БРЕСЛАУ. ПУСТЬ НЕ СМОТРИТ В НЕБО.

(Ректор гимназии Магдалины (доктор теологии, суровый лютеранин в черной одежде). Он приходит проверить больного ученика, которого школа уже списала со счетов.)

Ректор: *(смотрит на Квирина с холодной жалостью)*

«Розина, смирись. Ваш мальчик не вернется за парту гимназии. Бог закрыл его уста. Он едва шевелит ногами, а когда пытается сказать простое слово, его лицо сводит судорога, превращая в посмешище. Мальчишки на улице швыряют в него камни и гниль. Квирин обречен быть обузой вашего дома. Заприте его, пусть тихо переписывает счета или чистит сукно по памяти, не показываясь людям. Из этого надломанного сосуда уже ничего не сварить».

Мать Кульмана (Розина): *(плачет, кутаясь в черный платок)*

«Господи, верни сыну разум! Забери латынь, отдай простое слово! Сделай его обычным, как стены нашего дома! Пусть не смотрит в небо! Пусть торгует сукном, как покойный отец! Замуруй его от этих мыслей, Господи!»

(Ректор уходит. Квирин остается один с матерью. Его начинает бить сильнейший озноб — новая волна лихорадки. Но в его глазах, вместо страха, разгорается безумный, лихорадочный блеск).

КВИРИН: (судорожно цепляется за старую кожаную книгу Якова Бёме, кричит сквозь заикание) М-матушка! Не проси о малом! Ректор думает... я труп? Нет! Я открыл Я-якоба... Бёме! Сапожник... простой немецкий сапожник из Гёрлица, а зрил ангелов! Он писал... он писал в своем «Mysterium Magnum»...о. Великом Таинстве... что человек — это книга, в которой записаны все тайны Вселенной! Весь мир — это разделение Единого Света на Тьму и Сияние! И Тьма нужна, чтобы Сияние стало видимым! Я чувствую... во мне горит этот свет! Он разорвет мою грудь, если я буду молчать!

(В этот момент в комнате становится невыносимо жарко, хотя за окном силезская зима. Тени на стенах начинают удлиняться и ломаться, словно от невидимых вспышек. Квирин падает навзничь на кровати. Мозг его горит. Это точка абсолютного бессилия, в которую обычно и бьет Молния Аполлона).

И с этим огнем в груди Квирин Кульман позже прибудет в Москву.

СЦЕНА 4: ЭФФЕКТ РАСКАЛЕНИЯ

(Пространство сужается до просторной московской горницы в Немецкой слободе, где Квирин Кульман спорит с книжниками и богословами. Обычный Кульман в быту — бледный, тихий, уставший от бесконечных дорог и гонений человек. Но как только речь заходит о его Миссии, с ним происходит пугающая метаморфоза).

Нордерман: *(обращаясь к читателю)*

«Вы думаете, большая молния бьет один раз, переплавляет человека и уходит? Нет. Она оставляет внутри Творца тлеющие угли. И стоит ему заговорить о главном, как эти угли вспыхивают.

Я видел, как Квирин раскалялся. В обычные часы он казался почти покойником — сидел, сжавшись, кашлял, кутался в чужой кафтан. Но на диспуте, когда немецкие пасторы Слободы начинали обвинять его в ереси, в него как будто били маленькие молнии Аполлона. Те самые, которые бьют в каждого из нас, когда мы на творческом подъеме пишем, строим или проповедуем.

В эти секунды Квирин буквально светился изнутри. Лихорадочный румянец заливал его бледные щеки, глаза расширились так, что в них отражалось пламя свечей, а голос... голос летел под потолок, вибрируя, как натянутая струна. Он раскалялся, как железо в горне. Но я, купец, смотрел на него и испытывал ужас. Я понимал: человеческое мясо и кости не рассчитаны на такую температуру. Этот человек сгорит. Обязательно сгорит.».

(Вспышка воспоминания. Квирин стоит посреди комнаты, его руки взброшены вверх, пальцы дрожат от колоссального внутреннего напряжения. Он обращается к замершим московским немцам, как называли всех иностранцев, прибывших в Москву и поселившихся в Немецкой слободе).

Квирин: *(голос срывается на крик-пророчество)*

«Вы меряете Царство Божие своими аршинами и талерами! Вы думаете, Христос придет в золотой короне? Он придет как Огонь! Я чувствую, как этот огонь течет по моим жилам прямо сейчас! Мой язык горит! Каждое мое слово — это не я, это Он выжигает во мне остатки земной гнили! Слушайте же!..»

(Квирин резко умолкает, хватается за грудь и тяжело падает на лавку. Его бьет крупная дрожь, на губах выступает испарина. Он снова — слабый, больной и истощенный обыватель. Маленькая молния ушла, забрав половину его жизненных сил).

НОРДЕРМАН: Поэт сгорал от небесного огня, не имея под ногами почвы. А в это же самое время на другом конце Москвы другой юноша строил свою, совершенно иную геометрию мира. Семнадцатилетний Царь Пётр.

(Резкая звуковая отсечка: звучат маршевая дробь и флейта. Свет на Квирину гаснет. Вспыхивает теплый, золотистый свет на другой половине сцены. С помощью световых проекций выстраивается идеальная перспектива Немецкой слободы. Франц Лефорт в изящном камзоле маленькими граблями лично разравнивает песочную дорожку).

СЦЕНА 5. ГЕОМЕТРИЯ КУКУЯ

НОРДЕРМАН: *(высыпает на край сцены пригоршню чистого речного песка)* Чтобы понять реформы Петра, надо представить себе, что он увидел, когда мальчишкой впервые сбежал из Кремля. Кремль — это был тупик. Тяжелое византийское золото, душный ладан, вечный страх заговора и непролазная грязь

по колено на московских улицах. И вдруг — Кукуй. Немецкая слобода. Для шестнадцатилетнего Петра это была ставшая обитаемой геометрия. Другая планета.

ЛЕФОРТ: *(аккуратно поправляет ветку куста, напевает)* Айн, цвей, дрей... Порядок во всем. Если дорожка грязная — её надо посыпать сухим белым песком. Бог любит точный расчет и чистые руки, майн герр.

(Вбегают юный Петр. Он без шапки, кафтан растянут, сапоги в грязной московской жиже. Он замирает на самом краю чистой песочной дорожки, боясь наступить).

ПЕТР: Франц! Лефорт! Это что же такое? Почему у вас... дома по ниточке выстроены? Почему заборы белые, чистые, хоть и из простого дерева? И запаха... запаха навоза и тухлой капусты нет! Чем у вас пахнет, Франц?

ЛЕФОРТ: *(мягко улыбается, кланяется)* Это пахнет хорошим кофе, табаком и мылом, герр Питер. В Европе принято мыть мостовые перед домом. Каждое утро. У нас купец, прежде чем лавку открыть, дорожку перед ней песочком посыпает. Из уважения к прохожему. Из уважения к собственному труду.

ПЕТР: *(делает робкий шаг на песок, оглядывается на свои грязные следы)* Из уважения к труду... Слышишь, Франц? У нас в Кремле если ты боярин — ты должен сидеть сиднем и ничего не делать, чтоб спесь не расплескать! А у вас? Погляди! Яков Брюс у себя во дворе сам, своими руками, колесо к телеге прилаживает! Купец Нордерман сукно на столы раскладывает и сам метлой машет! Никто не стыдится работы! У нас бы за это засмеяли, холопским делом назвали!

ЛЕФОРТ: В Европе, герр Питер, холопство — это безделие и неумение. А мастер — он выше любого графа. Если ты умеешь строить корабль или точить часы — ты король своего дела. Правильная, обустроенная жизнь не с неба падает. Ее создают циркуль, метла и топор.

ПЕТР: *(опускается на корточки, берет в горсть чистый песок, пропускает сквозь пальцы)* Циркуль и топор... Вот она, правильность! Вот она, чистота! Франц, у меня сердце кровью обливается, когда я обратно в Кремль возвращаюсь. Там полутьма, там вечный страх, там углы кривые и люди злые от безделья! Я этот образ... эту чистоту кукуйскую в душе сберегу. Я в Европу поеду!

Сам посмотрю, как они там этот рай из камня и железа выстроили. Я посмотрю, как они работают, и всю Россию заставлю эти песочные дорожки чертить! Мы всю грязь нашу вековую выскребем! Силой выскребем!

СЦЕНА 6. ВТОРОЙ ЯРУС: ЯД ПОЗНАНИЯ. ДИСПУТЫ В ЕВРОПЕ

(Звучит торжественный орган. Квирин медленно выпрямляется в луче света, его взгляд устремлен сквозь зрителей. Голос звучит как чистейшее серебро).

КВИРИН: *(декламирует свой сонет)*

О ночь! Величья ночь! О ночь светлее дня!

О ночь! О свет! И свет, превосходящий солнце!

Мир — книга Бога, что открыта для меня,

Я — свет, струящийся в оконце!

(Из тени выходит Ректор гимназии, кладет тяжелую руку на плечо юноши).

РЕКТОР: Речь твоя исцелилась, Квирин Кульман. Но стены, которые ты строишь своими стихами, слишком высоки для этой земли. Ты ставишь дух выше законов и церкви. Из тебя выйдет либо величайший богослов, который перевернет мир, либо величайший еретик, которого этот мир сожрет...

(Ректор гимназии отступает в тень. Свет меняется на строгий, академический. Появляется Профессор теологии Сорбонны в черной мантии, в его руках тяжелый фолиант Фомы Аквинского. Квирин стоит напротив него — в простом дорожном плаще, но с высоко поднятой головой).

ПРОФЕССОР СОРБОННЫ: *(листает книгу, говорит холодно, высокомерно)* Вы дерзки, молодой силезец. Вы явились в Париж и утверждаете, что столетняя мудрость церкви — это прах? Вы опираетесь на Якоба Бёме? На неотёсанного сапожника из Гёрлица?! Чему неуч может научить профессоров Сорбонны? Божественный порядок постигается разумом, системной логикой и строгим догматом!

КВИРИН: *(делает шаг вперед, голос звенит)* Ваш разум — это клетка, профессор! Вы заперли Живого Бога в тесные параграфы ваших книг! Ваш Фома Аквинский разложил веру по полочкам, как купец раскладывает товар, чтобы извлечь из неё душевный покой и выгоду! Вы превратили служение в коммерцию

ума! А Бёме... Бёме зрил Истину обнажённой! Он понял, что Бог — это не старик на облаке, а Бесконечный Огонь и Вечный Свет! И человек — это не червь, а живой орган этого Света!

ПРОФЕССОР СОРБОННЫ: *(захлопывает книгу с глухим стуком)* Ересь! Вы проповедуете разрушение иерархии! Если каждый смертный объявит себя носителем Божьего Света, рухнет церковь, рухнут троны! На чём держать порядок, если не на страхе перед законом и грехом? Ваше «всемирное братство любви» — это анархия! Сколько вам заплатили еретики Амстердама, чтобы вы смущали умы наших студентов, Кульман? В чём ваша выгода?

КВИРИН: *(горько усмехается)* Выгода?... Вот она, черта вашего века! Вы не способны представить, что человек может дышать, писать и идти на костёр бесплатно! Я нищ, профессор! У меня нет кошелька, нет дома, нет сменного платья! **Моя единственная выгода — видеть, как разбиваются оковы корысти в умах людей, их душа взлетает!** Вы держите порядок страхом, потому что ваши сердца пусты. А мир ждёт Третьего Завета — завета Бескорыстной Любви, где человек реализует свой божественный потенциал не из страха перед адским огнём, а потому что сам станет этим огнём!

ПРОФЕССОР СОРБОННЫ: *(в ярости бьёт ладонью по книге)* Сумасшедший! Гордец! Мы докажем твою неправоту на костре, если ты не уберёшься из Парижа!

КВИРИН: *(тихо, глядя ему в глаза)* Жгите тела, профессор. Но идеи не горят. Вы можете обтесать камень закона, но вы никогда не поймаете в силки мою душу!

(Профессор в ярости уходит в тень. Из глубины сцены выходит Нордерман).

НОРДЕРМАН: *(выходит вперед)* Кульман не испугался. Его дух рос, как каменная башня. Квирин полетел по Европе. Но знаете ли вы, какой ценой дается этот полет? Талант — это ведь не просто счастливый дар. Это яд, сладкий и горький эликсир познания, который пропитывает кровь гения с рождения. Кровь Квирина стала воспламеняющейся жидкостью! Она вспыхивала от малейшей искры, от взгляда, от тайного знака звезд! Обычный человек пьет вино, чтобы забыться, наркотик индейца — сухой гриб пейотль, наркотик поэтов будущего — героин... Для Кульмана наркотиком была Истина! Он был неизлечимым

наркоманом поиска Бога! Его колотило, его лихорадило от жажды абсолютного знания! И этот яд сносил плотины умов везде, где он появлялся!

(Пространство сужается до просторной московской горницы в Немецкой слободе, где Квири́н Кульман спорит с лекарями и богословами. Обычный Кульман в быту — бледный, тихий, уставший от бесконечных дорог и гонений человек. Но как только речь заходит о его Миссии, с ним происходит пугающая метаморфоза Свет меняется на багрово-театральный. Также было и в его путешествии по Европе. Вспыхивают фигуры европейских интеллектуалов).

СЦЕНА 7. ЭКСТАЗ ГОРЕНИЯ

НОРДЕРМАН: *(всматриваясь в даль веков)*

«Маленькие молнии не убивали Кульмана, а только на время обессточивали. А, когда он горел, казалось, что воздух вокруг него, дрожал, как над раскаленной мостовой.

Позже, когда его притащили на Красную площадь и заперли в бревенчатом срубе, обложенном соломой, палачи ждали криков и мольбы о пощаде. А Квири́н — пел. Сквозь рев пламени и треск сучьев летел его чистый голос, славящий Третий Завет. Дилетанты и зеваки крестились и шептали: "Колдун! Чернокнижник! Заклял огонь!"

Какая глупость... Они не понимали, что человек, который всю жизнь горел изнутри, который постоянно принимал в себя огненные удары Аполлона, просто не чувствовал их земного огня. Его дух улетал в эмпиреи за секунду до того, как пламя лизнуло подол его рубахи. В таком эмоциональном, космическом подъеме плоть немеет, превращается в холодный камень, о который ломаются иголки..

Всю вторую половину XVII века по всей Руси сотнями горели в деревянных срубах и запертых храмах старообрядцы. Скиты вспыхивали, как факелы, от Поморья до Сибири. И из этого адского пекла тоже не слышно было воплей — их заглушало пение псалмов. Их «молния» веры была той же природы. Огонь внешний встречался с огнем внутренним.

У царя Петра таких микрогорений тоже было в избытке. Но его молнии были не из света и молитвы, а из воли, железа, крови и пороха.

Когда Петр, задыхаясь от веселого бешенства, хватал огромные ножницы и кромсал вековые бороды притихшим, оцепеневшим от ужаса боярам — это было оно, его микрогорение. Когда он в Немецкой слободе, распалившись, сажал на первое попавшееся кресло подвернувшегося придворного и самозабвенно рвал ему зубы — не разбирая, больные они или здоровые, — в него били микромолнии.

А страшные осенние дни 1698 года? Когда под стенами Кремля казнили стрельцов. Царь не просто смотрел — он сам, бледный, с дергающейся щекой, с диким блеском в огромных глазах, хватал тяжелый топор и рубил, рубил головы бунтовщикам, рубил, рубил. В эти минуты Петр тоже был в экстазе, тоже не принадлежал себе. Это было его, петровское, страшное созидание порядка через тотальное уничтожение бунта. Никому он не даст себе перечить.».

НОРДЕРМАН: А Кульман...он прошел Лейден, Лондон, Париж, Константинополь. Он составлял гороскопы королям и кардиналам! Его называли Нострадамусом семнадцатого века! Из каждого города, где он появлялся, его высылали, потому что он оставлял за собой смущение и сомнения. Великие мира сего теряли покой!

СЦЕНА 8. ПОКРОВИТЕЛИ: ВОДОВОРОТЫ ЕВРОПЫ

(Париж. На сцене в кресле сидит Кардинал, перед ним — стопки астрологических карт. Квирин стоит напротив, бледный, с горящими глазами).

КАРДИНАЛ: *(рассматривает пергамент, руки дрожат)* Ты чернокнижник, Кульман? Или безумец? Твой гороскоп... Твоя астрология точна до пугающих мелочей. Ты предсказал смерть моего племянника на дуэли за три месяца до того, как он обнажил шпагу! Откуда в твоей голове эти цифры? Эти траектории планет? Ты думаешь, я плачу за твои стихи, Кульман? Поэтов в Париже как грязи в Сене. Я плачу за твои цифры. Мой астролог считает тебя чернокнижником, а я вижу в тебе расчет. Твой гороскоп спас мой флот от шторма, а меня — от яда в бокале. Богатые люди не верят в святость, Кульман. Мы верим в точность.

КВИРИН: *(тихо, но весомо)* Вы покупаете крупницы будущего, чтобы удержать свое жалкое настоящее... Карта звезд — не магия, Ваше Высокопреосвященство. Это язык, на котором Творец пишет геометрию судеб. Я лишь читаю буквы. Этот яд познания выжигает мне мозг, я не сплю неделями,

звезды кричат в моих ушах! Мир накануне великого преобразования, и Франция погрязнет в крови, если не откроет сердце Третьему Завету!

КАРДИНАЛ: *(резко встает, крестится)* Вон! Вон из Парижа! Твои книги смущают умы моих аббатов! Твои стихи заставляют студентов бросать лекции и молиться на площадях! Ты страшный человек, Силезец. В тебе горит огонь, который спалит всю Европу! Убирайся!

(На противоположных краях сцены в холодных лучах света появляются две фигуры: Король Англии Яков II в роскошном парике и Герцог Антон Ульрих Брауншвейгский с бокалом вина).

ГЕРЦОГ АНТОН УЛЬРИХ: Мой дорогой Яков, до меня дошли слухи, что в Уайтхолле гостил этот безумный силезец, Квирин Кульман? Вы действительно дали ему кошель золота? Помилуйте, разве не ветер свищет в ваших карманах после мятежа Джеймса Монмута...

КОРОЛЬ ЯКОВ II: Антон, ты судишь как эстет, а я сужу как государь. Его сонеты «Небесные поцелуи любви» признаны лучшими в Европе, но я плачу не за рифмы. Этот человек — живой вычислительный аппарат. Его натальные карты пугающе точны. Он рассчитал траекторию планет для моих генералов. Я знаю шаг каждого своего врага на три месяца вперед. Это не мистика, это высшая математика судеб. Богатые люди не разбрасывают золото, Антон. Они покупают страховку у вечности.

ГЕРЦОГ АНТОН УЛЬРИХ: И все же он опасен. Вокруг него образуется какое-то безумное силовое поле. Вы видели его женщин? В моем Брауншвейге за ним следовал шлейф из девиц. Они смотрят на него как на Христа. Это не просто фанатизм, это какая-то новая, пугающая порода людей. Он затягивает их в свой Млечный путь, и они бросают семьи, замки, репутацию.

КОРОЛЬ ЯКОВ II: *(тихо, глядя в темноту)* За гением всегда идут женщины, Антон. Потому что мужчина ищет в пророке выгоду или логику. А женщина... женщина чувствует Того, кто способен разорвать серую ткань обыденности. Они идут не за мужчиной. Они идут за бессмертием.

(Константинополь, Османская империя, 1688 год. Золоченый, окутанный дымом благовоний покой во дворце Топкапы («Пушечные ворота»). Квирин Кульман стоит перед султаном Сулейманом II и его визирями.).

СУЛТАН СУЛЕЙМАН II: *(перебирая янтарные четки)*

«Ты пришел в мое чрево, гяур, и говоришь, что законы Ислама и законы Рима — это лишь ступени к какому-то Третьему Завету Всемирной Любви? Ты дерзок. Твои сонеты сладки, но мои янычары верят не стихам, а стали. Зачем мне слушать тебя?»

КВИРИН: *(его лицо начинает белеть, глаза расширяются — начинается микрогорение)*

«Великий Падишах! Твоя сталь заржавеет, а твоя империя рухнет в прах, если ты не увидишь знамения звезд! Вчера я чертил натальные карты твоих пашей. Венера входит в дом Скорпиона — твой флот у берегов Мореи обречен, если ты не остановишь войну! Бог не заперт в Мекке или Риме, Он — Бесконечный Огонь! И этот огонь требует от тебя не крови христиан, а созидания Нового Человека! Если Османская империя не откроет ворота Слову — она станет бледной тенью на задворках истории!»

СУЛТАН: *(вскакивает, визири хватаются за сабли)*

«Он безумен! Или одержим джиннами! Вышвырнуть его из империи, пока его раскаленные речи не подняли бунт в моих казармах! Но перед этим — дать ему сто ударов палками по пяткам! Пусть земля горит под его ногами!»

ВЕЛИКИЙ ВИЗИРЬ: *(опасливо косится на Квирина)*

«О, повелитель, пощади его плоть! Этот силезец хрупок и тощ, он не выдержит и половины наказания, дух испустит прямо на ковре!»

СУЛТАН: *(внезапно заходится громким смехом)*

«Не выдержит? Смешно! Вы посмотрите в его глаза! Я знаю этих фанатиков. Они как наши бродячие дервиши — могут без вреда ходить по углям, могут сжимать в кулаке раскаленный добела клинок! Не успеешь начать его бить, как его дух уже давно улетел к небесам, визирь! Эти удары палок для его раскаленной души — всего лишь легкая щекотка! Бейте! А потом гоните вон — пусть несет свой пожар на Восток, к московитам!»

(В купеческом караван-сараяе после диспута. Квирин падает на ковер, его колотит судорога. Эстер судорожно прижимает к его векам мокрый платок).

ЭСТЕР: *(плачет)*

«Квирин! Умоляю, замолчи! Ты только что спорил с Папой Римским в Ватикане,

теперь едва не лишился головы перед султаном! Твой мозг выгорит, плоть не выдержит! Пожалей нас!»

НОРДЕРМАН: *(к залу)* ...Из каждого города, где он появлялся, его высылали, потому что он оставлял за собой водовороты смущенных умов! Он ведь не просто стихи читал. Он выдерживал жесточайшие диспуты с крупнейшими теологами, философами, профессорами и ораторами Сорбонны и Лейдена! Он разбивал их железную логику в щепки своим огненным словом! В семнадцатом веке резонанс от идей Кульмана был мощнее, яростнее, чем от Паскаля или Спинозы! Спинозу читали единицы в тиши кабинетов, а от Квирина закипали площади!

Пройдут века, Паскаля и Спинозу впишут во все учебники, а Кульмана предадут забвению... Но сегодня, в вашем двадцать первом веке, целая масса европейских бакалавров и профессоров пишет диссертации по Квирину! Он до сих пор, сквозь толщу веков и пепел, задает им пищу для ума, переворачивая их сытый покой. За ним шли не только короли с кошельками.

За ним шли женщины. О, это особая порода — женщины гениев, фанатки, готовые сгореть в лучах чужого безумия. Мужчина-фанат ищет систему, логику. Женщина-фанатка отдает себя целиком. Сначала была немка Магдалина из Линдау, потом англичанка Мэри Гоулд, дочь богача, бросившая шелка ради его нищеты и потратившая все свое состояние на издание его книг. Потом немка Эстер Михаэлис, приехавшая с ним в Москву, от которой родилась умершая во младенчестве дочь. С Квирином нельзя сварить суп, с ним можно только взойти на костер. И его женщины добровольно соглашались на эту жертву, деля его ложе, его неудобства и его безумные идеи втроём, втроём... создавая общину, где нет «моего» и «твоего». Патриарх назовет это блудом. А Квирин видел в этом прообраз человека будущего — свободного от оков собственничества.

Нам смешно сейчас слышать фразу римского тирана Нерона: «Какой артист умирает!», потому что мы знаем, какое это было ничтожество. Но Квирин... Квирин был истинный гений. За ним шли сотни, его книги читали во дворцах и тайком в подвалах. Они не ждали от него семейного тепла. Они знали: Квирин не принадлежит постели и дому. Он принадлежит вечности. И вечность вела его обратно туда, где круг должен был замкнуться. На Восток, в загадочную Московию. Он думал, что привез сюда спасительный бальзам, а привез порох на пепелище. В 1689 год.

ДЕЙСТВИЕ 2. СЦЕНА 9. ТРЕТИЙ ЯРУС: СОБЛАЗНЫ СОВЕСТИ

(Тревожный, яростный колокольный набат. На заднике проецируются славянские буквы: Москва, 1689 год. Из темноты выходят Квирин и пастор немецкой общины в Москве Майнеке).

НОРДЕРМАН: Я помню день, когда он приехал к нам в Немецкую слободу. Я, купец, привыкший считать каждую копейку прибыли, услышал его — и забыл про свои амбарные книги! Он читал нам свое послание к русским царям. Слушайте, что он писал юному Петру! *(Читает из своей амбарной книги)*. «О цари! Падут ваши короны, ибо близок век Иисуса, где не будет рабов и господ, а будет лишь один закон — любовь!» Понимаете, какой это взрыв?! Пастор Майнеке бледнел на глазах от отчаяния!

ПАСТОР МАЙНЕКЕ: *(в панике кричит Квирину)* Ты погубишь нас всех, безумец! Ты проповедуешь бунт против помазанников Божьих! Нас, немцев, московиты и так считают чернокнижниками! Замолчи! Купец Нордерман, опомнись, ты отдаешь золото еретику!

НОРДЕРМАН: *(поворачивается к залу, амбарная книга дрожит в его руках)* Да! Отдавал! Мне пастор кричит: «Опомнись, выгода где?!», а у меня внутри всё горит! Впервые в жизни горит! Я ведь всю жизнь только и делал, что считал, взвешивал, выгадывал. Корысть — она как болотная жижа, засасывает незаметно. И ведь душа — я теперь это знаю! — душа ведь каждому человеку даёт шанс освободиться. Стучится тихонько, крыльями бьёт сквозь эти путы коммерции, просит: «Дай мне волю, ну сделай хоть раз что-то несуразное, неправильное, но чистое!». А мы не слышим. Подсчитываем...

Я ведь вспомнил тогда... Вспомнил, как первый раз в жизни хотел всю прибыль от большой сделки отдать на приют для бездомных детей-сирот. Хотел! Но стал прикидывать, как обернуть дело без ущерба для лавки. Пока колебался да весы настраивал — приют тот, на который другой купец деньги дал, кто-то поджёг. Всё сгорело.

В другой раз на Кукуе корабль соседа моего, купца, ко дну пошёл со всем добром. Я порывался вдове его всю выручку принести, спасти от голода. И снова завывала корысть в ушах: «Подожди, прикинь, почём сукно по осени будет...». Пока

я выгадывал, вдова от тоски и безысходности заболела и умерла, а сестрица её всё имущество с молотка пустила, схватила ребятишек и сбежала в Европу.

Был и третий шанс! Младший брат мой в долговую яму в Линдау загремел. Мог ведь выкупить, мог! Но опять вцепился в кошелёк: «Пусть посидит, ума наберётся, коммерция не терпит жалости». Брат-то вышел потом, да только пить начал с горя, опустился, стал бродягой бездомным... Всякий раз, когда я взвешивал выгоду, всё кончалось прахом и бедой! Корусть мешала голову к звёздам поднять!

И тут на Кукуе появляется Квирин Кульман. Человек, который приехал без единой мысли о наживе. Живёт без выгоды, дышит без корысти! И вспыхнула моя душа, как птица из клетки рванулась! Я поймал эту догадку: вот он, мой последний шанс дать душе свободу! Бог послал мне Квирину, чтобы я перестал быть счётно-взвешивающей скотиной! И я услышал её, услышал свою душу! И мне стало не жалко никаких денег, никакого золота! Да забирай всё, Квирин! Сожги мои амбарные книги, только дай на этот чистый свет посмотреть!

А пастор Майнеке моего полёта не понял. Для него вера — это тоже приходно-расходная книга. Он побежал доносить. Прямо к Патриарху. И нас заперли. В подвалы Преображенского приказа.

СЦЕНА 10. ПОДВАЛ: МАНИФЕСТ ПАТРИАРХА О ТРЕТЬЕМ РИМЕ

(Подвал Преображенского приказа. Свет становится багрово-красным. Звук страшных ударов бьющихся друг о друга досок. Квирин подвешен на канатах в центре светящегося контура башни. Дьяк Федор Шакловитый ходит вокруг него с кнутом. В углу, обняв колени и вжав голову в плечи, сидит 17-летний царь Петр).

НОРДЕРМАН: *(стоит у края сцены, закрыв лицо руками)* Подвал Преображенского приказа. Там пахло сыростью, железом и кровью. Шакловитый ломал Квирину суставы, требуя выдать «черные замыслы» латынян. Называл его немцем, как всех иностранцев. Он искал шпионов, а перед ними висел просто поэт и наивный мечтатель.

ШАКЛОВИТЫЙ: *(бьет кнутом о пол, орет в исступлении)* Кто архитектор твоего бунта, немец?! Чьи деньги?! Кто приказал тебе писать, что царства падут?!

Против великих государей умышляешь?! Ладно, деньги королей! Но бабу свою, немку Эстер, ты зачем в Москву притащил? И девку Мэри с ней в одной камере на Кукуе держал? Патриарх прямо говорит: блуд несусветный! Шведский грех! Какая же у тебя вера, если у тебя в доме две бабы, а чресла твои пусты? Где дети твои, пророк? Почему ты и все тебе подобные — Савонарола, Ян Гус, Коменский — вечно лезете рушить основы семьи? Вы же блудники и смутьяны!

КВИРИН: *(приподнимает окровавленную голову, но смотрит на Шакловитого с кроткой улыбкой)* Федор... прекрати кричать. Твой кнут бессилен. Твой ум слишком тесен, он пахнет кухонным чадом. Ты видишь грех там, где рождается коммуна будущего. Ты бьешь меня из страха. Ты строишь тюрьмы вокруг себя, потому что сам засыпаешь каждую ночь в смертном ужасе. Ты боишься, что завтра царь Петр казнит тебя самого... Ты так несчастен... А на самом деле ты просто хочешь, чтобы в этом холодном мире тебя кто-то... просто полюбил... Земные дети нужны тем, кто боится исчезнуть. Они цепляются за продолжение плоти, потому что их дух смертен. Гений бесплоден в теле, но плодит в вечности.

Мои дети — это мои смыслы. Спустя три века великий физик Ландау выстроит формулу свободы в браке, доказывая, что собственничество убивает полет ума. Но мы опередили его. Мои женщины страдали от величия замысла, а не от мелкой кухонной злобы! Вы обвиняете нас, пророков, Савонаролу, Гуса, Коменского, в разрушении устоев..... Но мы просто люди из будущего, Федор! Мы пришли из времени, где человек свободен, а вы пытаетесь судить нас законами своего тёмного вчера!

(Свет выхватывает на мгновение в глубине сцены Марию Луизу в блеклом, некогда богатом европейском платье).

КВИРИН: Была **Мария Луиза** — дочь богатейшего купца. Тонкая, изящная, привыкшая к шелкам. Но она услышала мой сонет, сожгла свои векселя и отдала всё состояние на печать моих книг. Она умерла в нищете на моих руках. Это была жертва преданности.

(Мария Луиза гаснет. Вспыхивает Эстер — строгая, в скромном немецком платье, с решительным лицом).

КВИРИН: А в Москву со мной приехала **Эстер**. Строгая, упрямая северная кровь. Она не искала ласки. Она знала, что у меня нет тепла для семейного очага.

Она выстраивала наш быт как крепость. Она делила этот быт с Мэри, смилив свою женскую гордость, потому что понимала: ревность — это оковы старого мира. А жизнь...жизнь каждого из нас, и моя, и твоя, висит на волоске...

НОРДЕРМАН: *(выходит вперед, к залу)* Да! Я видел их на Кукуе. Это не был блуд. Это была страшная, выжженная святость. Эти женщины страдали. Их женская природа кричала от одиночества рядом с этим холодным космическим сиянием. Но они не могли уйти. Кульман был как черная дыра, втягивающая в себя материю, — он пожирал их жизни, но давал взамен такое острое чувство сопричастности к Тайне, какого они не нашли бы ни в одном тихом браке. Они добровольно выбрали быть пеплом у подножия его костра!

(Просторная, проветренная комната в доме Нордермана. Окна распахнуты, с улицы доносится свежий московский ветер. Квирин только что закончил яростный спор с заезжими монахами. Он тяжело дышит, его бьет крупная дрожь, лицо покрыто мертвенной испариной. Он оседает на лавку, хватаясь руками за голову. Женщины бросаются к нему).

ЭСТЕР: *(подбегает, прижимает холодный мокрый платок к его горящему лбу, её голос дрожит от ужаса)*

«Квирин! Ради всего святого, замолчи! Остановись! Ты же опять весь горишь... Посмотри на свои руки, они трясутся, как в лихорадке! Ты обещал мне, что в Москве будешь беречь себя. Твое тело не железное, оно истощено до предела этими бесконечными дорогами и тюрьмами!»

КВИРИН: *(пытается отстраниться, его глаза расширены, взгляд устремлен куда-то мимо неё, сквозь стену)*

«Не трогай... Не остужай меня! Ты не понимаешь... Это не болезнь. Это Аполлон... Его искры опять бьют мне в темя. Каждое слово, что я не высказал этим напыщенным лекарям — это свинец, который закипает у меня внутри! Если я замолчу, меня просто разорвет изнутри!»

ЭСТЕР: *(плачет, обнимая его за плечи, пытаясь согреть его леденеющие пальцы своим дыханием)*

«Да пусть разрывает их, этих глупых докторов и пасторов, но не тебя! Ты думаешь о своем Третьем Завете, о спасении мира, о грядущем царстве любви... А я смотрю на тебя и вижу только, как из тебя уходит жизнь! Квирин, умоляю, вернись ко мне. Стань снова тем тихим поэтом. Спрячься. Нордерман даст нам денег, мы

уедем дальше, на восток, в тишину... Зачем ты подставляешь свою голову под эти страшные молнии?»

КВИРИН: *(медленно обмякает на её руках, жар начинает спадать, , о которой говорил Нордерман; голос его становится тихим, надтреснутым)*
 «Уехать?.. От Него нельзя уехать. Каждому дана свобода воли, родная моя... Здоровый человек никогда не выберет этот костер. Но я... я был обречен еще там, в Бреслау, когда лежал убогим ребенком. Аполлон выбрал меня, сломал мою старую жизнь и влил этот пожар. Теперь я могу только гореть. Молись... молись, чтобы плоть выдержала хотя бы до того дня, когда меня услышит молодой царь...»

НОРДЕРМАН: *(наблюдая за этой сценой из угла горницы, тихо обращается к читателю)*

«Вот так это и выглядело. Женщины плакали, укутывали его в теплые плащи, поили успокоительными каплями. Они любили гения, а спасти им приходилось умирающего, измученного калеку. И этот контраст между космической силой его идей и убогим бессилием его физического тела был страшной драмой, которую я видел в Слободе».

(Шакловитый замирает. Кнут медленно выскользывает из его пальцев и с глухим стуком падает на планшет сцены).

НОРДЕРМАН: Квирин пророчествовал - Шакловитого действительно казнят всего через два месяца после этого разговора...

ПЕТР: *(поднимается из угла, его голос дрожит)* Федор... Не надо его бить. Посмотри на него. Он не шпион. Он сумасшедший, но в нем есть свет... Зачем губить свет?

(Из темноты монументально выходит Патриарх Иоаким, его тяжелый посох бьет по полу).

ПАТРИАРХ ИОАКИМ: Замолчи, царь! Твой юный ум податлив, как воск! Сей немец — лютый волк в овечьей шкуре! Он говорит «мир без царей», он привез сюда свои гороскопы, своих баб, латинскую прелесть и блудомыслие — это же корень гибели! Ты спрашиваешь, Петр, как жить? В чем сила нашей земли?

(Иоаким подходит к Квирину, смотрит на него сверху вниз, но без злобы, а с глубокой, вековой скорбью).

ПАТРИАРХ ИОАКИМ: Ты думал, Кульман, ты один тут гений, пропитанный ядом познания? Ты думал, уязвил нас своей Европой? Да ведаешь ли ты, что такое Русь? Москва — Третий Рим, а четвертому не бывать! Это не просто слова на пергаменте, немец. Это Божий завет. Русь — это заповедная зона на грешной земле. Священный ковчег посреди бушующего океана порока! Бог создал наш народ особенным, дал ему великий, страшный, огненный талант — талант чистой, неповрежденной веры! Так, как верят русские, не верит на планете никто! Русский человек до дна себя вычерпать готов, жизнь положить за имя Христово, в огонь пойти без тени сомнения! Это уникальный, чистый удел, Богом укрытый от вашего западного гниения!

(Поворачивается к Петру, возвышая голос).

ПАТРИАРХ ИОАКИМ: Но ведаешь ли ты, царь, какими трудами эта чистота бережется? Мы веками, из года в год, пропалываем этот священный сад от сорняков! Каждый наш Церковный Собор — это битва! То стригольники явятся, то жидовствующие веру мутят, то раскол ненасытный тело церкви рвет! Мы только-только внутреннюю эту смуту, ересь домашнюю, по углам прижали да притушили, а тут — этот голландец или, кто он там, немец хренов! Из Самой Европы принесло пророка! И ладно бы дурак был — дурака народ сам поднимет на смех. Но сей Квирин — талант, может, гений! А чем гениальнее еретик, тем он опаснее! Дурак кошелек украдет, а гений — душу народную выкрадет и подменит!

Запад ваш давно Бога на золото променял. Там на биржах Амстердама святостью торгуют, там умы расколоты, там каждый мнит себя Нострадамусом и плюет на алтарь! А Русь — как первозданный сад, где дух еще чист и целен. И сохранение этой заповедной веры — наш главный долг перед Создателем! Стоит впустить сюда тебя, Квирин, с твоим «всемирным братством», твоим разрушением семьи и гордыней ума, стоит разрешить твои блудомыслия — и этот сад будет вытопан! Твой эликсир познания для нашего народа — смертоносный вирус! Ты разрушишь нас изнутри, Квирин! Ты заразишь их сомнением, ты разобьешь соборность на тысячи мелких, эгоистичных «прозрений»! И когда рухнет эта заповедная зона, когда Русь потеряет свою чистоту — миру придет конец, ибо молиться за него больше будет некому! Если мы не выжжем эту скверну огнем прямо сейчас, Бог отнимет у нас свое покровительство. Огонь —

лучшая известь для фундамента святого государства! Жгите его, Петр! Ради спасения этого ковчега — жгите!

ПЕТР: *(его внезапно начинает трясти, взгляд стекленеет)* Огонь?.. Опять огонь? Опять бунт?! *(Кричит, хватаясь за голову)*. Я помню! Мне было десять лет! Десять! Стрельцы на Красном крыльце... Они швыряли бояр на копья! Кровь лилась по ступеням! Артамона Матвеева... моего второго отца, учителя, воспитателя, наставника моего, дорогого Артамона... у меня на глазах растерзали, на куски изрубили! Я задыхаюсь! Всё в огне, всё в крови! Если я не зажму их в кулак, они меня самого на копья поднимут! Патриарх прав... Держава строится на страхе, а не на стихах поэтов! Государство сильнее сердца! Жгите его!

(Вспышка багрового света. Петр и патриарх замирают как каменные изваяния. В тишине раздается глухой удар посоха патриарха Иоакима. Нордерман делает шаг вперед.)

СЦЕНА 11. ТРЕТЬЯ МОЛНИЯ АПОЛЛОНА

НОРДЕРМАН: *(его голос в тишине становится глухим и торжественным)* «Таковы были молнии Аполлона, бившие в Кульмана и в Петра. Но была и третья молния. Может быть, самая тяжелая. Она ударила не в ребенка. В 1665 году она ударила в зрелого, сильного 34-летнего мужчину — поручика государева полка Ивана Савёлова. Будущего патриарха Иоакима.

Вы спросите: как же так? Мы ведь говорили, что Аполлон разит только больных, падающих, обреченных на убогую жизнь? Разве был болен этот статный офицер, лихо рубивший врагов на войне?

Да, он был здоров телом. Но Аполлон умеет делать человека "обреченным" за один единственный день, даже за миг.

1655 год. На Москву исчадием ада обрушилась великая чума — страшное моровое поветрие. Люди замертво падали на улицах, чернея от бубонов. Иван Савёлов в это время был в походе. Он воевал, побеждал, мечтал о славе, а главное — знал, что дома, в Москве, в добротном красивом тереме, в его имении, его ждет молодая, любимая жена Евфимия и четверо маленьких дочерей. Его земной якорь. Его чаша счастья.

И вот поручик возвращается в Москву. Молодой, сильный мужчина заходит в ворота своего дома... а вместо теплого уютного дома, полного детских голосов, опустевший холодный терем. Чума унесла почти всех. В один миг. Ни жены, ни детей. Никого.

Представьте эту тишину. Мужчина стоит посреди пустого дома, где еще недавно звенели детские голоса, и понимает, что его мир исчез. Его земной путь покотился под откос, он превратился в живого мертвеца.

И в Ивана бьет третья молния. Она не дарует ему поэтического экстаза, как Кульману. Она не зажигает в нем инженерный и преобразовательный зуд, как в Петре. Она открывает ему страшную, ледяную и звенящую бренность и тленность всего земного.

И он бросает службу, тайно бежит из Москвы на юг, в глухой, строгий Межигорский монастырь, чтобы заживо замуровать себя в монашеском постриге и плакать о грехах.

Аполлон выжег в этом человеке Ивана Савёлова. И на этом пепелище воздвиг Иоакима — человека-монумент, человека-скалу.

Когда этот монах взошел на патриарший престол, в нем не осталось ничего человеческого. Как раскалялась эта скала? В молитвенном или созидательном экстазе? Нет! Иоаким раскалялся в экстазе Удержания. Он видел, что мир вокруг бушует, раскалывается, поддается соблазнам. И он, переживший гибель собственного мира от чумы, фанатично верил: если ослабить хватку Церкви хоть на йоту, если впустить в Россию западные новшества или ереси, то чума — духовная чума — сожрет и погубит всё государство!

Его микрогорениями были не стихи и не топоры, но ледяной, непреклонный Догмат. Когда он, бледный от праведного гнева, требовал от царевны Софьи и молодого Петра очистить Москву от иноземцев, когда он подписывал смертные приговоры раскольникам, когда он смотрел на Квирину Кульмана — в его глазах горел тот самый страшный, очищающий огонь 1655 года. Он защищал Русь от хаоса так, как солдат защищает последнюю крепость. И Сухарева башня, которая вырастет позже, станет памятником и его страшной, консервативной воле».

Мы судим патриарха Иоакима по законам нашего гуманного века. Называем палачом, мракобесом, гонителем свободной мысли. Но мы не стояли на пепелище 1655 года.

Иван Савёлов на всю жизнь запомнил главный урок той катастрофы: с чумой нельзя действовать мягко. Её не вылечить теплыми отварами, целебными травами, уговорами да слезными молитвами. Чума не знает жалости, и в ответ она диктует человеку предельную, абсолютную жесткость. Даже жестокость.

Как останавливали моровую язву в Москве? Оцепляли уезды. Сжигали дотла целые слободы, где затаилась болезнь. Калёным железом выжигали заразу. Только огонь и железо, без капли сантиментов, иначе вымрет вся земля.

Вот такая молния ударила в Ивана Савёлова. Приняв постриг и став патриархом Иоакимом, он под монашеской рясой так и остался тем самым безжалостным военным врачом. Только теперь он лечил не плоть, а дух. Он смотрел на Русь и видел, что она смертельно больна — расколом, ересями, западным блудомыслием, иноземным шатанием. Для него все эти книжники, латиняне, поющие поэты и пророки были не "искателями истины", а разносчиками духовной чумы. Новыми бубонами на теле церкви и страны.

Он знал: если проявить хоть каплю мягкости — чума, материальная или духовная, сожрет государство целиком. И потому его рука не дрожала. Он выжигал заразу калёным железом догмата. Он шел на Квирина Кульмана с той же беспощадностью, с какой шел бы на чумной барак. Лучше сжечь одного человека в деревянном срубе на Красной площади, чем позволить адскому мору погубить миллионы душ. В его жестокости была своя, страшная, ветхозаветная святость».

СЦЕНА 12. ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ВЗРЫВ

(Патриарх Иоаким и Шакловитый медленно отступают в тень. Свет подвала сменяется холодным, предрассветным туманом Сретенки. Петр в ярости ходит внутри едва намечающегося, еще слабого, но уже светящегося контура образа башни, уже возникающего в его голове. Из противоположной тени авансцены выходит Франц Лефорт, мягко затягиваясь трубкой).

ЛЕФОРТ: О, майн готт, герр Питер... Ну зачем так кричать? От вашего крика у меня портится голландский табак.

ПЕТР: *(подбегает к нему, задыхаясь)* Франц! Не могу больше! Задохнусь я в этой Москве! Бояре эти сонные... Палаты душные, окошки слюдяные, чтобы солнце их темноту не просветило! Сидят, трескают редьку с квасом, бороны в жиру, и только ябедничают друг на друга! На кого опереться? Чем гордиться? Нищетой нашей?! Тем, что у нас помещик Волков последние три деревни заложил, барин, а жрать нечего! Тем, что крестьяне вроде Ваньки Бровкина только за счет природной смекалки и таланта с голоду недохнут, пока система их до костей раздевает?! И нет ни окошка для малейшей инициативы. Опоры нет, Франц! Сошлись сегодня две тьмы — Патриарх со своим вечным страхом перед каждым новым словом и стрельцы с их окровавленными копьями! Сожгли человека за стихи! Нам нужна опора, Франц! Но вокруг меня одни трутни! Нас сожрут эти сонные палаты!

СЦЕНА 13. ЭХО СААРДАМА

(Сцена резко сменяется оглушительным, ритмичным стуком сотен топоров, визгом пил и запахом свежей древесной смолы. Перед зрителем — верфи Саардама и Амстердама. Голландия 1697 года. Полемика, грохот, созидание).

НОРДЕРМАН:

«Его молния не дала ему покоя. Чтобы сбежать от московского чумного застоя и кремлевских кошмаров, царь сбежал. Уехал в Европу, унося в сердце ту самую геометрию Кукуя. Он хотел проверить: как устроен их достаток? И попал на верфи Саардама. Царь-плотник. Царь-чернорабочий. Он прибыл сюда не отдыхать — работать! Великое посольство превратилось в яростный штурм наук и мастерства.

В Саардаме плотник Питер Михайлов жил в убогой деревянной хижине, спал на жесткой полке, а на рассвете уже стоял на верфи с топором. Вы слышите этот грохот? Это рождался новый мир! Петр спорил до хрипоты в голландских и английских дворцах, но спорил не о теологии, а о шпангоутах, тригонометрии, баллистике и фортификации. Он хватал за грудь европейских мастеров — корабелов, навигаторов, литейщиков, инженеров: "Едем в Москву! Научите моих дураков ремеслу! Обуздаем хаос!"

Он строил корабли, пока руки не покрывались кровавыми мозолями, а лицо не сводила судорога микрогорения. Он вез в Россию не просто пушки — он вез Мастерство как новую религию».

(Саардам, 1697 год. Свет резко меняется на холодный, зеленовато-серый цвет голландского побережья. Слышен стук корабельных топоров. Актер-наблюдатель выходит в образе старого голландского мастера с верфи, в кожаном фартуке и с тяжелым молотом. Плотник Питер Михайлов сбрасывает тяжелый молот на доски верфи. Вокруг него стоят Лефорт и нанятые европейские мастера).

ГОЛЛАНДСКИЙ МАСТЕР: *(кричит, перекрывая стук)* Эй, Питер! Герр Питер! Выше держи обух! Если гвоздь пойдет криво — шпангоут лопнет на первой же балтийской волне! Корабль дураков не прощает, парень! Здесь зазоры в палец не делают, тут миллиметр решает, поплывешь ты или ко дну пойдешь!

ПЕТР: *(в простом матросском кафтане, с топором, утирает пот со лба)* Знаю, мастер! Сам вижу! *(Поворачивается к Лефорту, лицо горит бешеным азартом)*. Франц, ты глянь на них! Голландия — клочок земли, отвоеванный у моря! Болото! Ни лесов своих толком нет, ни руды! А корабли их по всему миру ходят! Почему? Потому что у них каждый пфеннинг в деле! Каждый инженер на счету! А мы? Россия — велика, конца-краю нет! А у нас ни своей промышленности, ни боеспособной армии, ни флота! Тьфу! Позорище! Покупаем пушки у шведов, сукно у англичан, корабли у голландцев! За золото, за меха наши кровные покупаем! А иностранные купцы видят, что мы сами ничего не умеем, и заламывают цены в тридорога! Обдирают Русь как липку!

ЛЕФОРТ: Ну, герр Питер, торговля — дело свободное...

ПЕТР: *(рубит воздух топором, его щека дергается от напряжения)*

Да какая это торговля, Франц?! Это грабеж из-за нашей глупости! Мы как нищие на паперти сидим на мешках с золотом, а ума взять не можем! Хватит кормить чужих мастеров! Пора своих растить! Нам кровь из носу нужны свои купцы, свои инженеры, свои ученые, свои навигаторы! Если мы сами металл плавить не начнем и свои корабли по компасу водить не выучимся — нас шведы сожрут и не поморщатся!

Ты погляди на этих голландцев! У них каждый дюйм шпангоута выверен по науке! А у нас? Строят храмы и хоромы на глазок, топором машут, как бог на душу положит, а потом всё по весне по швам трещит! Москва спит, Франц! Задыхается в своем жиру и лени! Бояре думают, что если они лоб расшибут в кровь перед

иконами, то корабли сами поплывут и пушки сами отольются?! Нет! Бог любит точный расчет и мозолистые руки!

Хватит молиться на чужой ум! Надо свой заводить! Всю молодежь дворянскую из их теплых постелей повытряхну, за границу учиться пошлю, пока у нас своих академий нет! Пускай на верфях простую воду пьют, пускай мозоли наживают, но чтоб инженерами вернулись! Я из них дурь дедовскую выбью, а дело в головы вколочу!

Мы построим в Москве не просто школу — мы построим цитадель разума, каменный корабль, который протаранит эту сонную тишину! И если для этого мне придется самому рубить бороды, рвать зубы или головы сносить — я буду рубить! Государство сильнее сердца, Франц, и новая Россия родится из пота, железа и тригонометрии!»

ЛЕФОРТ: (под вой ветра накидывая на плечи Петра тяжелую русскую шубу поверх матросского кафтана) Герр. Питер, не так близко к сердцу. Мы вернулись. Позади Саардам, вокруг — снова Москва...

СЦЕНА 14. ВОЗВРАЩЕНИЕ В МОСКВУ

(Звуковой переход: шум моря сменяется завыванием московской метели. Свет снова становится предрассветным, туманным. Петр возвращается в контур башни).

ЛЕФОРТ: *(мягко берет Петра за плечи)* Герр Питер, послушайте умного швейцарца. Сонных людей нельзя разбудить криком. Их можно разбудить только...набатом или высотой, на что смотришь снизу. Постройте здесь каменный корабль. Прямо на въезде в город, у Сретенских ворот. Пусть он встанет как утес над их деревянными теремами. Чтобы бояре Квас и Редька выходили утром на крыльцо, смотрели вверх, и у них шапки падали от этой высоты! Сделайте эту башню печатью вашей новой воли. Назовите ее в честь Сухарева, чей полк первым стал вам верен в эту страшную осень. И это будет как опора. Вам нужны новые люди, герр Питер.

ПЕТР: Да где их взять, Франц?! Таких как ты — единицы! Яков! Брюс! Иди сюда, шотландец!

(Звучит мощный, ритмичный стук молотков, скрип перьев и шуршание чертежей. Свет заливает всю перспективу башни. Нордерман выходит вперед, как гид по кругам этого нового рукотворного мира).

НОРДЕРМАН: *(указывает кирпичом вверх, на условные этажи башни)* И Петр построил этот корабль! Сухареву башню. **Каменный Ноев ковчег русской науки и ремесел!** Патриарх Иоаким молился о духовном ковчеге, чтобы уберечь Русь от бурь. А царь заложил свой ковчег — из кирпича, извести, железа и человеческого ума! И собрал он туда, в эту Сухареву башню, каждой твари по паре от каждой науки, от каждого ремесла, что способны спасти страну от исторического потопа и нищеты! И пошли они по этажам, как по палубам... Посмотрите туда, в эти классы!

(Свет выхватывает разные группы актеров на ярусах башни, которые синхронно выполняют рабочие движения: чертят, смотрят в подзорные трубы, точат металл).

НОРДЕРМАН: На первом ярусе — палуба земная, ремесленная! Здесь правит математика и навигация! Сюда царь притащил Леонтия Магницкого — тверского мужика, сына пахотного крестьянина, который сам, без учителей, латынь и греческий выучил, да написал первую русскую «Арифметику»! Магницкий сидит за столом, и дворянские дети у него вприсядку учат, что такое синус и косинус, пока спесь из ушей не полезет! Тут же рядом — геодезия и фортификация! Генри Фарварсон, шотландский профессор, выучивший русский и читавший на нем лекции по навигации, мореходной астрономии и геодезии, чертит траектории пушечных ядер, а русские неучи, вчера еще лапти сплетавшие, высчитывают углы атаки!

(Свет перемещается выше, музыка становится более таинственной, космической).

НОРДЕРМАН: Выше поднимайтесь, за мной, в средний ярус! Здесь палуба морская и торговая! Мореходство, астрономия и картография! Яков Брюс разложил карты звездного неба, учит юнцов по полярной звезде корабли водить, когда вокруг одна ночная тьма. Здесь куются новые русские купцы — не те, что в лавках обвешивают, а просвещенные негоцианты, способные торговать с Лондоном и Амстердамом на равных, не позволяя обдирать Русь как липку! Здесь

учат металлургию и горное дело — как из уральской руды плавить сталь, чтоб больше не кланяться шведам за каждый штык!

(Свет бьет на самую вершину, где стоит Нартов у сияющего станка).

НОРДЕРМАН: А на самой верхней палубе, под куполом, у Рапирной палаты — механика и токарное художество Андрея Нартова! Здесь сталь укрощается человеческим гением! Нартов точит шестеренки для невиданных машин, создает суппорты-держатели, которые изменят весь мировой труд! Каждой науке нашлось место в петровском ковчеге:

- Арифметике — чтоб копейку государственную считать в точности!
- Геометрии — чтоб землю мерить и города закладывать не на глазок, а по линейке!
- Тригонометрии и навигации — чтоб пробить дорогу русским кораблям сквозь чужие моря!
- Астрономии — чтоб сорвать с неба покров страха и увидеть в звездах закон, а не мистический ужас!

(Нордерман оборачивается к Петру, который с гордостью смотрит на свои ярусы).

НОРДЕРМАН: Петр заселил этот ковчег наук и ремесел разночинцами, сиротами, дворянами — всех в одну упряжку впряг! И этот каменный Университет принял бой против вековой русской лени. Они учились, пока пальцы не опухали, пока мозг не закипал от этого яда познания. Они строили новую Россию.

(Из тени спокойно выходит Яков Брюс. Рядом с ним идет Андрей Нартов, молодой, с засученными рукавами, лицо испачкано металлической пылью. В руках Нартова — точеная стальная деталь).

БРЮС: Я здесь, государь. Измеряю шагами московскую землю. Нам нельзя воевать с Патриархом в открытую — это вызовет новый яростный бунт, ужасный и беспощадный. Вы правы, герр Питер: сонная Москва не простит прямой атаки на свои догмы. Но мы победим их иначе. Мы победим их искусствами, делами, мастерством.

ПЕТР: *(хватает Нартова за руку, разворачивает его ладонь, показывает залу)* Глядите все! Бояре, князья! Вот Андрей Нартов! Самоучка! Ни роду, ни

племени, из простых! Но в его пальцах — гений! Ему не зазорно чертеж чертить, токарный станок до ума доводить, металл зубилом грызть! А ну, Яков Брюс, покажи им ладони! Чернилами испачканы! Порохом прожжены! Потомок шотландских королей стал мастеровым по жизни! Ему не стыдно учиться каждый день!

НАРТОВ: Дак ведь, государь, станок — он лжи не терпит. Ошибся на полвершка в расчете — и деталь вдребезги, и труд насмарку. Металл, он порядок любит и голову трезвую.

ПЕТР: *(поворачивается к залу, его монолог взрывается, летит сквозь века)* Вот она — новая Русская Идея! Закон правильной жизни! Посмотрите на амстердамские верфи, на лондонские мануфактуры, где я сам топор держал! Там люди не святостью торгуют и не мистическими прозрениями сыты! Там жизнь правильную создает человеческий ум, специализация, точный расчет и великое уважение к труду! Тот человек свят и ценен для государства, кто дело знает от и до, у кого руки в мозолях, а в голове — наука! Вы думаете, если я вам, детям своим, подданным своим, дам всё готовое, сытость принесу на блюде без усилий, то вы счастливы будете? Да вы первыми же и загниёте от безделья! Вырастаете черствыми, бездушными потребителями, у которых ни боли за соседа, ни любви к порядку, ни желания для своей земли хоть гвоздь забить! Человек без труда — это пустоцвет, сорняк! Я вас силой в этот труд тащить буду! Оденем дворян в рабочие кафтаны, заставим учить навигацию! Будете в Сухаревой башне звезды считать и тригонометрию учить, пока пальцы от перьев не опухнут! Пошлем их учиться за границу, пока у нас нет еще своих университетов. Чтобы каждый из вас не просто для своего брюха жил, а для города, для страны, для человечества! Труд — вот единственное спасение от нашей вековой нищеты!

БРЮС: *(тихо, раскладывая чертеж на полу)* Мы не будем спорить с боярами. Мы просто построим над ними новую философию. Философию труда. Башню труда и наук. Вот первый ярус, Петр. Классы навигации и точных наук. Реальным указом твоим от 1701 года запишем: «Быть математических и навигацких наук школе»! Здесь мы выбьем из бояр их спесь геометрией. Над ними — обсерватория. Я поставлю там телескопы, чтобы они смотрели в бесконечность и понимали, как малы их земные кляузы. Мы преобразуем хаос точным чертежом.

ПЕТР: Мачты из камня! Франц, Яков, Андрей — мы построим это! Каждый, кто хочет чин получить — сперва топор в зубы и за верстак! Мы застроим их страх! Брюс, строй!

СЦЕНА 15. ФИНАЛ: ЗАПЕЧАТАННЫЙ СВЕТ И СУД ИСТОРИИ

(Звучит низкий, вибрирующий зауспокойный гул. Сверху со скрипом опускается деревянный остов корабля, превращаясь в клетку-сруб вокруг Квирина Кульмана).

НОРДЕРМАН: *(выходит на центр сцены, его лицо полностью в саже, он держит закопченный кирпич)* Какая великая драма! Они стояли втроем над этим чертежом — Лефорт со своей мудрой улыбкой, Брюс с королевским достоинством мастерового и юный Петр, опьяненный философией труда... Они думали, что строят цитадель разума, которая победит спящую Москву! Но посмотрите вниз, государь! Посмотри на чертеж, Яков! На каком месте вы чертите ваши циркули? Прямо на пепелище!

(Фигура Квирина в клетке-срубе ярко вспыхивает в своем белом луче).

НОРДЕРМАН: Сухарева башня поднялась над нашим пеплом! Мы сгорели в октябре 1689 года. Вы думали, что сожгли безумного заику? Нет! Москва превратила в пепел Нострадамуса своего века, гениального пророка, опьяненного божественным эликсиром знания! Петр взял от собирателя Волоцкого идею мощного государства, но перековал её в заводы, пушки, чертежи и Навигацкую школу. Он пытался поверить мистический «внутренний свет» пророка сухой алгеброй и точным расчетом Брюса, как потом пушкинский Сальери хотел поверить алгеброй гармонию.. Но дух нельзя поверить геометрией! Дым от горящего сруба, людей, книг повалил прямо в небо над Москвой! Послушайте, что Квирин пел в огне!

КВИРИН: *(пение в огне, преодолевая гул пламени)*

«Ах, что ни делай мы, полдела выйдет вскоре,
И полуслужим мы, живем в полураздоре,
Мы полузнатоки, поем полухвалу...
Бессильно, без протеста ждем полухулу...
Но что-то все-таки не будет вполювину!
И Истина свою вдруг обретет личину!

Свет, что горел во мне, как зарево всегда,
Не догорит, я это вижу. Никогда!»

(Резкий, оглушительный удар гонга. Вспышка. Темнота. Полная тишина. Включается холодный, резкий свет. На сцену выходит взрослый, суровый Петр I в европейском кафтане. В его руке кусок мела. Он подходит к полу и с яростным, скрежещающим звуком начинает заново обводить светящийся контур башни).

НОРДЕРМАН: Царь Петр не смог забыть тот подвал. Его мучили ночные кошмары. И он построил этот гигантский каменный сейф для своего страха – Сухареву башню. Петр думал, что оживит дух Квирина сухими цифрами Якова Брюса, пушками и навигацией! Он поднял остов корабля на самую вершину башни, сделав его мачтой науки! И пусть камни разрушились.

(Всплывает силуэт Сухаревой башни. Он меняется, как менялся облик башни в течение трех столетий. Наконец, камера останавливается на фотографии башни 1934 года...Ее сменяют варианты с круговым или сквозным объездом башни, которые предлагают архитекторы...)

НОРДЕРМАН: После революции 1917 года в башне был открыт Московский коммунальный музей. Но это не спасло ее от сноса. В 1931 году по плану генеральной реконструкции Москвы планировалось расширить центральную часть города. Сухарева башня, по мнению советского руководства, мешала развитию транспортной магистрали.

На защиту башни встали художник искусствовед Игорь Грабарь, академики архитектуры Иван Фомин и Иван Желтовский. В письме Иосифу Сталину и секретарю Московского комитета ВКП(б) Лазарю Когановичу, объясняя важность сохранения Сухаревой башни, они предлагали разработать проект ее реконструкции.

Вскоре архитектор Иван Фомин представил проект сохранения башни при организации кругового движения по площади, а инженер Владимир Образцов разработал техническое обоснование передвижки башни на случай, если будет признано, что нельзя сохранить её на старом месте.

Еще одно коллективное письмо Сталину подписали художник Константин Юон, академик Алексей Щусев, режиссер Абрам Эфрос и авторы первого письма — Грабарь, Жолтовский, Фомин и другие. Они писали:

«Значение этого памятника, редчайшего образца петровской архитектуры, достопримечательности исторической Москвы, бесспорно и огромно. Просим Вас срочно приостановить разрушение Башни и собрать сейчас же совещание архитекторов, художников и искусствоведов, чтобы рассмотреть другие варианты перепланировки этого участка Москвы, которые удовлетворят потребности растущего уличного движения».

Архитектор И.Э. Грабарь восклицал: *«Можно ли представить, чтобы в один прекрасный день вздумали уничтожить картину Рафаэля, ноты Бетховена или рукопись Гёте?»*

(На экране — Проекция №4 (Чертеж Фомина 1934 г.). Свет резко сужается до багрового пятна на фигурах Сталина и Грабаря. Каганович и архитекторы застыли как каменные изваяния.

ГРАБАРЬ: *(почти кричит, ударяя кулаком по столу):* Вы не понимаете, Иосиф Виссарионович! Это не просто кирпичи! Это ось петровской Москвы! Уничтожить её — значит перерубить хребет истории! Вы не имеете права!

НОРДЕРМАН: Его тоже ударила молния Аполлона. В 1908 году в Адлере, в комнату дома, который он с родителями, снимал как дачу, залезли грабители. Чтобы не оставлять свидетелей, они проломили спящему художнику голову. Пришлось даже делать трепанацию черепа. Грабарь чудом выжил. И после этого впадал в состояние, когда ничего и никого не боялся....

(Звуковой эффект: Внезапно обрывается весь фоновый гул. Полная, звенящая тишина. Грабарь тяжело дышит, придя в себя и осознавая, ЧТО и КОМУ он только что сказал. Не сказал – прокричал! Все присутствующие бледнеют и замирают. Каганович медленно опускает глаза, боясь дышать.)

НОРДЕРМАН *(Рассказчик, делает шаг из тени к рампе, говорит тихо, в зал):* Время остановилось. В этот миг в кабинете пахло не табаком «Герцеговина Флор», а первобытным, ледяным ужасом. Все испугались не за безумца Грабаря. Они испугались за себя. Они увидели то, чего смертным видеть не дозволено — на Вождя кричали, а Вождь смолчал... Молчал и запоминал каждого, кто был в этой комнате.

(Вдруг, на пике крика Грабаря, звуковой фон полностью выключается. Тишина становится густой, почти осязаемой. Пространство сцены визуально искривляется: свет падает под неестественными, ломаными углами, кажется, что стены огромного кабинета наклонились и поехали в разные стороны — вверх, вниз, вправо, влево.)

НОРДЕРМАН *(Делает шаг вперед. Его голос звучит глухо, словно в вакууме):* Кто-то из присутствующих, а, может быть, и все, после этой сцены думал, что его жизнь теперь висит на волоске. В памяти у них был недавний 17-ый, месяц назад проходивший в январе-феврале 1934 года съезд ВКПб. На нем по результатам голосования генеральным секретарем был избран С.Киров, результаты голосования были скрыты, как мы теперь знаем, и аннулированы, а участники съезда стали один за другим по разным причинам умирать или исчезать.

На этот раз участники этой сцены не стали умирать физически один за другим. Каганович вон и вовсе прожил почти сто лет... Но в ту самую секунду после крика Грабаря и воцарения жуткой звенящей тишины, общий, первобытный ужас, как тектонический сдвиг, искривил само пространство в комнате. Предметы как будто стали расплываться, а воздух стал липким как кисель...

(Световой маркер: На лицах присутствующих архитекторов и наркомов прыгают светлые и темные пятна, уродливые тени, визуально вытягивают их физиономии, делая их похожими на застывшие звериные морды. Все замерли в ужасе от того, что стали свидетелями дерзости, несущей смерть.)

НОРДЕРМАН: Они боялись пошевелиться. Лица от потрясения вытягивались, почти превращаясь в звериные. А в центре этого аномального пространственного разлома сидел Он. Лоб Сталина будто стал еще более покатым, надбровные дуги чудовищно изогнулись. В полумраке кабинета его глаза вдруг зажглись жутким, желтым тигриным огнем. А по серому сукну кителя, подрагивая, как будто побежали едва заметные, синеватые электрические молнии... Тигр готовился к прыжку, но вместо этого — смолчал. И этот молчаливый сдвиг пространства они не забудут никогда.

Сталин взял себя в руки и ответил: *«Решение о разрушении башни было принято Правительством. Считаю это решение правильным, полагая, что*

советские люди сумеют создать более величественные и достопамятные образцы архитектурного творчества.»

НОРДЕРМАН: Несмотря на протесты, 13 апреля 1934 года рабочие начали разборку Сухаревой башни. После ее сноса по предложению Кагановича Сухаревскую площадь переименовали в Колхозную.

Впервые восстановить башню было предложено главным архитектором Москвы Михаилом Посохиным на президиуме российского общества охраны памятников истории и культуры в июне 1978 года. Суд да дело, в 1986 году инженер П. М. Мягков и архитектор П. Н. Рагулин разработали проект воссоздания башни напротив Института имени Склифасовского. В том же году Главное архитектурно-планировочное управление и Союз архитекторов объявили конкурс на проект восстановления Сухаревской площади и Сухаревой башни. Жюри выбрало проект бригады [Московского архитектурного института](#) под руководством профессора [Николая Оболенского](#). Было предложено установить Сухареву башню на прежнем месте, на фундаменте, и проложить туннель по обе стороны фундамента.

В 2006 году при строительстве подземного перехода на [Садовом кольце](#) под Сухаревской площадью был найден фундамент Сухаревой башни. В настоящее время он законсервирован.

Писатель [Юрий Нагибин](#), входивший в состав жюри, вспоминал:

"Всё вроде правильно. Кроме одного: приступить к строительству башни можно будет не раньше чем через четверть века. Именно такое время нужно, чтобы решить транспортные проблемы на перекрёстке..."

В 2016 году были предложены проекты возведения башни в [Мещанском районе](#). По мнению архитекторов Андрея Георгиевича Савина и Виктора Александровича Сластухина, это помогло бы решить проблему транспортной развязки между кольцом и [проспектом Мира](#). Башню они планируют сделать частью моста, где будут проходить шесть из двенадцати полос Садового кольца. Однако многие считают, что башню нужно возводить только на родном фундаменте.

В 2017 году инициативная группа при музее «Садовое кольцо», проведя большую исследовательскую, предложила остановиться на компромиссном варианте:

"Восстановить Сухареву башню в режиме исторической реставрации рядом в части сквера, с возможностью перемещения башни на историческое место в будущем, когда для этого будут благоприятные условия. Этот вариант поддержали Союзы архитекторов России и Москвы, краеведов России и Москвы, Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, Государственного исторического музея, Музея архитектуры им. Щусева, Музея Москвы и других организаций."

На том и порешили...

НОРДЕРМАН: Да, в 1934 году башню снесли. А свет... свет пассионарной идеи, свет великого созидания и боли за свою землю так и остался на Сretenском перекрестке. Его не застроить и не залить бетоном.

(Свет меняется. На заднюю белую стену сцены проецируется строгое изображение уединенного мистического сада Лопухина).

Пройдут годы, и век XVIII породит новых искателей. Посмотрите на эту плиту, на этот символический камень. Его вытесали братья-каменщики, масоны. Через сто лет после смерти Кульмана русский тайный сенатор и масон Иван Владимирович Лопухин установил в парке своей семейной усадьбы Савинское этот мемориальный камень в память о Кульмане с надписью:

«Прохожий, вздохни о страдальце, благословляй просвещение, рассыпавшее мрак лютости времен оных, и учись осторожным быть в самом стремлении к истине».

Сейчас эта гранитная плита с эпитафией и загадочными масонскими знаками хранится в Ногинском краеведческом музее-заповеднике...

Лопухин на масонском «Острове праведников», в тиши аллеи, сохранил память о тех, кого растоптал государственный прагматизм. Для него и других масонов Камень — это святыня. Сакральный символ человеческой души.

(Поворачивается к залу, поднимая закопченный кирпич над головой).

НОРДЕРМАН: Масоны верят, что человек рождается диким, шершавым булыжником. И вся его жизнь — это тяжелый, кровавый труд по обтесыванию самого себя циркулем науки и молотом воли. Только через пот, через мозоли и учебу серая глыба становится идеальным камнем, готовым встать в стену Великого Храма грядущего человечества!

(Подходит к контуру башни, опускает кирпич в самый центр).

НОРДЕРМАН: В древности язычники, наши предки, перед каждым начинанием совершали обряд, приносили жертву. Не только от темноты, невежества, страха, но они угадывали закон магии — все должно пройти через обряд, через механизм, превращающий материальное в духовное. А жертва — как топливо для печи, как пусковой ключ. Так жертва Квирина, его пассионарный дух остался в фундаменте новой России — прямо под токарными станками Нартова и пушками Петра. История соединила несоединимое — яростную веру Иоакима, трудовой прагматизм царя и чистый свет сожженного пророка. Они превратили этот пепел в вечный Алтарь Созидания. Мы свой выбор в пламени и камне сделали. Кульман сгорел, Петр построил империю. А какой камень в фундамент жизни, своей или чужой, заложите вы?

БЫСТРЫЙ ЗАНАВЕС
